

Р. Ф. Воронина

**ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ
ОКСКИХ ФИННОВ V—VII вв.
(по материалам Никитинского
могильника)**

Женский головной убор у всех народов был показателем общественного положения человека. По головному убору всегда можно было судить об общественном и семейном положении женщины, ее возрасте. Головные уборы были тесно связаны с прической, различавшейся у девушек и женщин¹. Изменение в семейном положении женщины всегда сопровождалось сменой головного убора. По свидетельству Н. И. Гаген-Торн, у народов, не знавших венчания, смена головного убора была центральным моментом в свадебном ритуале.

Головной убор — не только социальный, половозрастной и племенной определитель, он и оберег, так как женским волосам приписывали магическую силу². По поверьям, охранительная магическая сила волос девушек, принадлежавших к своему роду, «более благодетельна, чем женщин-чужеродок»³. Вероятно, эти представления и обусловили конструкцию самих женских головных уборов.

Девушки обычно носили повязки, оставляя открытыми волосы на лбу и на макушке. Кроме того, они надевали различные шапочки, из-под которых были видны распущенные или заплетенные в косы волосы. Волосы замужних женщин-чужеродок у всех народов тщательно прятались под головные уборы. По конструкции угро-финские головные уборы делятся этнографами на несколько групп: 1) покрывала, платки, полотенца; 2) повязки, налобные венки; 3) мягкие шапочки, чепцы; 4) высокие твердые головные уборы конусообразной или лопатовидной формы⁴.

Предлагаемая статья посвящена женским головным уборам одного из впервые исследованных древнефинских могильников, раскапывавшихся в 1977—1978 гг. на окраине с. Никитино Спасского р-на Рязанской обл. Он лежит на правом берегу Оки при впадении в нее р. Прони, принадлежит к группе Рязано-Окских могильников.

Рязано-Окские могильники оставлены одной из групп финского населения, входившей в состав большой финно-угорской этнокультурной общности, обитавшей в междуречье Оки и Волги. Могильники тянутся вдоль среднего течения Оки, от Коломны до Касимова. В них захоронено древнее финское население, обитавшее на этой территории в III—VII вв. до прихода сюда славян. Эти финские племена являлись предками современной мордвы и не дошедших до настоящего времени племен муромы, мери, мешеры, ассимилированных славянами еще в XI—XII вв. Упоминаются эти племена в «Повести временных лет», сохранились их названия и в топонимике.

Могильники — родовые кладбища, оставленные определенными родовыми группами. В каждом из могильников найдены головные уборы, отличающиеся формой и размерами, вышивкой. Однако они имеют много общего в деталях металлических украшений. Судя по найденным в могильниках материалам, в V—VII вв. эти племена находились на стадии разложения родового строя с уже далеко зашедшим имущественным расслоением и выделением родовой знати.

Материальная культура древнефинских племен очень своеобразна. Это своеобразие выразилось, в частности, в обычае вышивать одежду и головные уборы бронзовыми подвесками и круглыми оловянными бусинками диаметром 1—1,5 мм. Бронза и олово хорошо консервируют ткань, ее отпечатки на бронзовых вещах дают возможность сделать реконструкции одежды и головных уборов. В процессе работы Окско-Донской экспедиции 1977—1978 гг. под руководством автора статьи было исследовано 23 погребения V—VII вв. Никитинского могильника: 10 женских и 3 — детских. В ряде женских погребений сохранились металлические украшения женских головных уборов, дающие возможность сделать отдельные реконструкции. Судя по бронзовым украшениям, женские головные уборы относились к первой группе головных уборов (покрывала, платки). На головах девочек, вероятно, никаких головных уборов не было. На шею им одевалась низка (или низки) красных пастовых бус, а на руки — браслетик или спиральное колечко.

Из 10 женских и девичьих погребений в шести сохранились следы или остатки головных уборов (погр. 1, 4, 5, 7, 16, 19). Остатки головного убора на женском черепе в богатом парном захоронении конного воина (погр. 5), а также в погребениях женщин, похороненных вместе с детьми (погр. 7, 16, 19), говорит о принадлежности этих головных уборов замужним женщинам. По всей вероятности, их головные уборы отличались разнообразием, связанным с возрастными градациями. По свидетельству этнографов, женщина до рождения первого ребенка носила один головной убор, после рождения первого ребенка и до конца детородного периода (до 40—45 лет) — другой головной убор, старухи и вдовы — головные уборы, отличные от остальных⁵. Возможно, головные уборы замужних женщин Никитинского могильника отличались не столько формой, сколько деталями металлических украшений: формой височных привесок, а также привесок к накосникам.

Однако из-за плохой сохранности костяков как в Никитинском, так и в других рязано-окских могильниках этого времени трудно сделать четкое возрастное деление головных уборов на женские и девичьи. Можно, однако, утверждать, что одной из деталей женских головных уборов является головной венец (*венчик*). Для девушек венец и различного рода повязки были основным головным убором, у замужних женщин венчик имел конструктивное значение: он должен был прикрывать волосы на лбу и на висках. К нему крепились другие детали головного убора. Аналогичные функции имели венчики и у других финских племен более западных территорий и у древних литовцев⁶ и древних балтов⁷. Прослежены венчики следующих типов:

1) кожаный ремешок шириной 0,8 см, закрепленный прямоугольными обоймицами (их размер 0,9 × 0,8 см). В центре венчика, между обоймицами, на кожаный ремешок надевались уплощенные колечки, к которым подвешивались трапецевидные привески (рис. 1, 1);

2) два тонких ремешка с нанизанными на них бронзовыми пронизками, соединенными попарно квадратными бронзовыми обоймицами (рис. 1, 2). Ширина этого типа венчика 0,8—0,9 см;

3) полоса ткани или лента шириной 1,5 см, сплошь зашитая шестью рядами оловянного бисера (рис. 1, 3).

По всей вероятности, концы венчиков завязывались или, реже, застегивались кольцевидными застежками.

Второй деталью женских головных уборов являются височные привески. Они располагались у висков, по одной с каждой стороны. Распространены височные привески следующих типов: 1) в виде замкнутого кольца диаметром от 1,8 до 4 см (рис. 1, 4); 2) в виде пятилепестковой розетки, подвешивающейся на двух шнурах с нанизанными пронизками, соединенными одной обоймицей; (рис. 1, 5); 3) в виде сферической бляшки с двумя колечками внизу, к которым подвешивались привески-колокольчики.

Третья деталь головного убора — накосники. Это название условно, так как

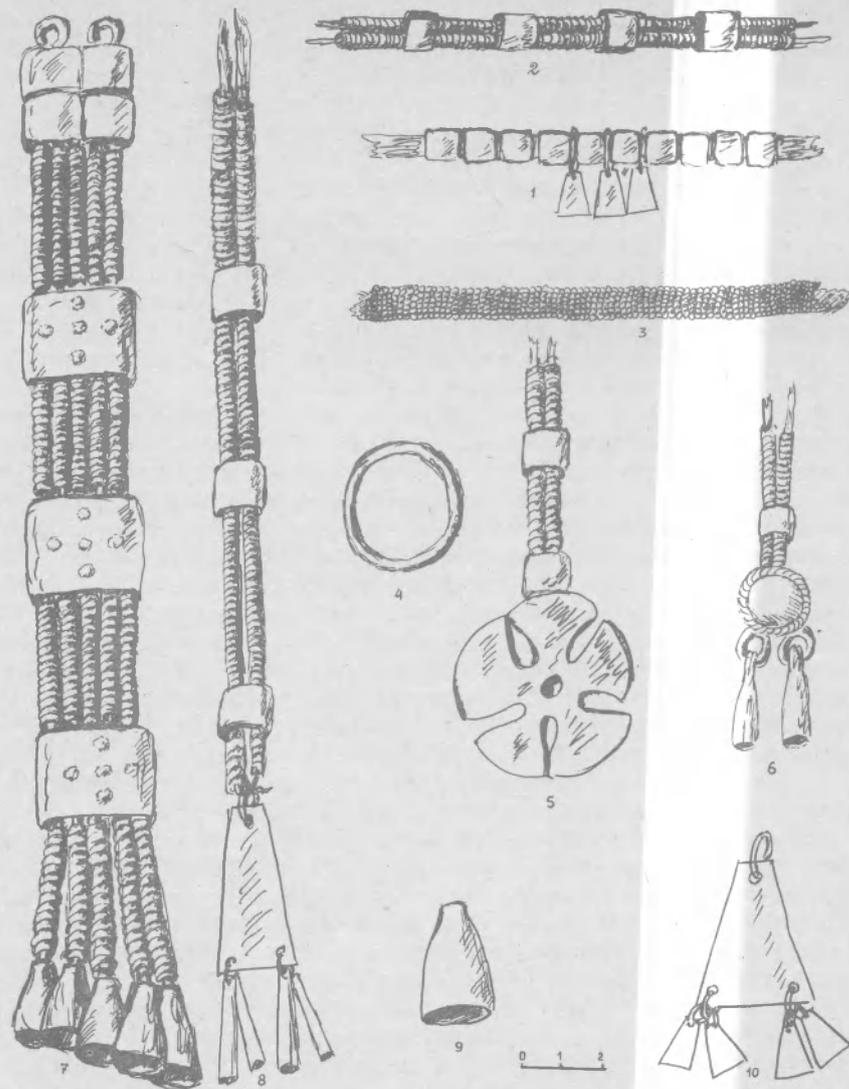

Рис. 1. Детали женских головных уборов: 1—3 — головные венчики, 4—6 — височные привески, 7—8 — накосники, 9—10 — привески накосников. Реконструкция автора статьи сделана по материалам Окско-Донской экспедиции 1977—78 гг. Коллекция (шифр ОДЭ 1977—78) хранится в Институте археологии АН СССР

украшение прикреплялось главным образом к головному убору. Прослеживаются накосники двух типов, различающихся манерой крепления. Накосник представляет собой кисть или ленту из кожаных ремешков, с нанизанными на них бронзовыми пронизками. Вверху эти ремешки крепились к четырем плоским обоймицам. К краю верхней обоймицы припаявались два кольца (рис. 1, с их помощью накосник, вероятно, крепился к венчику головного убора). Часть накосников не имеет обоймиц (рис. 1, 8). Концы ремешков этих накосников крепились к волосам у макушки. К нижнему концу таких шнуров с пронизками прикреплялись привески накосников. Накосники с четырьмя плоскими обоймицами носили, очевидно, поверх покрывала. Накосник другого типа, вплетенный в волосы на макушке, частично был прикрыт покрывалом. Нижняя часть с привесками свисала на спину из-под покрывала. Привески были двух типов: 1) колокольчики (рис. 1, 9); 2) трапециевидная привеска с двумя отверстиями внизу по углам, в которые продеты колечки от трубочки

Рис. 2. Женские головные уборы Никитинского могильника (реконструкция):
 1, 2 — покойница в головном уборе (погр. 1), 3 — покойница в головном уборе,
 покрыта поверх него шерстяным тканым платком (погр. 5), покойница в голов-
 ном уборе после снятия платка (погр. 5)

или трапециевидных подвесок по две к каждой (рис. 1, 10); 3) сферическая бляшка с двумя кольцами внизу и с привесками-колокольчиками (рис. 1, 6).

Как говорилось выше, женские головные уборы Никитинского могильника относятся к первой группе. Покрывала из погр. 1, 5, 7, 16, 19 сделаны из ткани полотняного плетения.

В погр. 1 обнаружено вышитое оловянным бисером покрывало (рис. 2, 1, 2). Вокруг головы — венчик 2-го типа (из бронзовых пронизок, надетых на ремешки и соединенных бронзовыми обоймицами). К венчику у висков были подвешены височные привески в виде замкнутого кольца диаметром 4 см. От висков к плечам спускались также два ряда бронзовых пронизок, соединенных в двух-трех местах бронзовыми же обоймицами. Каждый наконечник имел внизу трапециевидную привеску с двумя трубчатыми подвесками по углам. Эти наконечники

доходили до груди. Судя по почти разложившемуся оловянному бисеру, которым было обшито покрывало головного убора, оно доходило до середины спины. При разборке погребения под остатками покрывала была найдена коса из темных волос, заплетенная на затылке и спускавшаяся на спину. Украшения отсутствовали. Лентовидные накосники, вероятно, крепившиеся к волосам на макушке, свободно свисали на грудь. Аналогичные по конструкции женские головные уборы были найдены в погр. 5, 7, 16, 19. Отличались они лишь шириной вышивки боковых краев покрывала и формой венчиков, привесок накосников и височных привесок.

Так, покрывало из погр. 5 (рис. 2, 4) спускалось на спину чуть ниже плеч. Оно было вышито по бокам и низу оловянными бисером, ширина боковой вышивки, шедшей от висков — 8 см. Венчик головного убора, вероятно, был сделан из нашитых на полосу ткани или ленту мелких оловянных бусинок диаметром 1—1,5 мм. От висков на плечи спускались накосники, аналогичные вышеописанным, но заканчивающиеся сферическими бляшками с двумя колечками внизу, к которым были подвешены колокольчики (тип 3).

Поверх головного убора покойница была покрыта тканым шерстяным платком, завязанным под подбородком (рис. 2, 3). На бронзовых шейных украшениях под подбородком хорошо сохранилась толстая шерстяная ткань, веерообразно расходящаяся от нижней челюсти. Ткань платка диагонального плетения. Судя по остаткам одежды из сукна, это погребение было совершено зимой. По всей вероятности, женщины зимой поверх головного убора покрывались теплым шерстяным платком. Аналогичный убор, но без зимнего платка был обнаружен и на черепае женского костяка из тройного женского погр. 7 (двух женщин и ребенка). Второй женский костяк из этого погребения имел головной убор с тремя накосниками, шедшими от темени и заканчивающимися у плеч сферическими бляшками с привесками-колокольчиками. Возможно, это погребение девушки. В девичьем погр. 49 из Борковского могильника (Рязанская обл.) была найдена шапочка с дном из крестовидной нагрудной бляхи, к каждому из колец которой был привязан накосник-кисть с привесками-колокольчиками. Аналогичная шапочка найдена Т. А. Кравченко в Шатрищенском могильнике⁸. Возможно, головной убор окских финнов в виде шапочки аналогичен головным уборам девушек-ижорок, достигших брачного возраста. У Н. И. Спрыгиной⁹ есть сведения о шапочке, надеваемой невесте на свадьбе у мордвы-мокши. Правда, в головном уборе из погр. 7 не обнаружены остатки ткани и оловянного бисера. Не исключено, что здесь мы впервые сталкиваемся с каким-то особым возрастным головным убором — девичьим или молодухи. А. А. Шахматов, говоря о женских головных уборах мордвы, подчеркивает, что девушка не носит платков. Выйдя замуж, она в течение года ходит с одной косой, украшенной кистью. После рождения ребенка надевает на голову шлыган (головной убор типа чепца)¹⁰. Во всех обследованных нами погребениях замужних женщин присутствует накосник-кисть. Однако в конце XIX в., как отмечает А. А. Шахматов, кисти в головном уборе замужних женщин после рождения ребенка отсутствуют.

Головные уборы из погребений 16, 19 также относились к группе покрывал и принадлежали замужним женщинам, погребенным вместе с детьми 1—2 лет. Вышивка на покрывалах здесь была более широкой (8—10 см). Узкая полоса оловянного бисера (1,5 см), идущая по нижнему краю покрывала, дала возможность определить его длину. Покрывало спускалось на спину чуть ниже плеч. Венчики на этих головных уборах сделаны из оловянного бисера (тип 3). Один из них (на головном уборе из погр. 16) в центре имел три маленькие трапециевидные привески. Они крепились маленькими колечками перемежаясь с подвесками из бисера. У этого головного убора был массивный накосник (рис. 1, 7), крепящийся с помощью обоймиц. Он состоял из четырех рядов шнуров с пронизками разной длины, заканчивавшихся серебряными колокольчиками. Нити накосника в трех местах перехвачены обойми

цами. Каждая обоймица орнаментирована пятью выпуклинами, образующими ромб с выступающей точкой внутри. По мнению А. К. Амброза, такой ромб — символ, связанный с магией плодородия¹¹, оберегал от злых сил. Судя по орнаменту, накосник был прикреплен поверх головного покрывала. Этот головной убор отличался от головных уборов из погр. 1, 5, 7 и височными привесками: пятилепестковая крупная розетка, спускающаяся на двух нитях пронизок от висков к щекам, по одной с каждой стороны. Нити пронизок перехвачены в одном месте обоймицей. При разборке погребения на затылке костяка были обнаружены остатки двух косичек, скрепленных кольцевидной застежкой с короткими трубчатými усиками.

Сравнивая вышеописанные женские головные уборы Никитинского и соседнего с ним Шатрищенского могильника¹² (реконструкции головных уборов сделаны Т. И. Кравченко¹³), можно отметить наличие многих аналогичных форм височных привесок и накосников¹⁴.

Вместе с тем, они отличаются размерами, способом вышивки покрывал: бисером или металлическими привесками, строением и украшением головных венчиков. Но в металлических деталях у них много сходного.

Все это может свидетельствовать, с одной стороны, об этнической однородности населения, оставившего рязано-окские могильники, с другой — об обособленности и замкнутости родовых групп, оставивших могильники, что выразилось в своеобразии женских головных уборов и одежды, а также некоторых других деталей украшений. Сходство головных уборов у населения близкорасположенных сел было отмечено в конце XIX — начале XX в. этнографами А. О. Геккель¹⁵, Н. И. Спрыгиной¹⁶, В. Н. Белицер¹⁷. По их мнению, села, в которых женщины носили одинаковые головные уборы и одежду, располагались небольшими группами и являлись, вероятно, остатками древних племен и родовых групп. Подводя итог, можно сказать следующее: все вышеописанные женские головные уборы (покрывала) Никитинского могильника относятся к особому типу полотенчатых головных уборов. Наши материалы дают право говорить, что обнаружен один из самых древних типов финских женских головных уборов. Среди существующих финно-угорских женских головных уборов, особенно мордовских, им нет сколько-нибудь близкой современной этнографической аналогии. Вероятнее всего, описанные головные уборы принадлежат древнему окскому финскому населению (мери или муроме, пока сказать трудно), ассимилированному славянами в начале II тыс. н. э.

Это были этнически однородные племена, жившие довольно обособленно, о чем свидетельствуют сходные, но не тождественные типы головных уборов даже в близлежащих могильниках, родовых кладбищах. В то же время можно отметить и отдельные черты сходства этих головных уборов с головными уборами более западных финских племен Латвии и Литвы, что свидетельствует о значительных связях этих племен в середине I тыс. до н. э.

Примечания

¹ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М., 1973. С. 136.

² Гаген-Торн Н. И. Магическое значение волос и головного убора // Сов. этнография (далее СЭ). 1933. № 5—6. С. 76.

³ Там же. С. 74.

⁴ Белицер В. Н. К вопросу о происхождении удмуртов // СЭ. 1947. № 4. С. 115.

⁵ Белицер В. Н. Указ. раб. С. 147.

⁶ Волконайте-Куликаускаене Р. К. Одежда литовцев с древнейших времен до VII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 156.

⁷ Зариня А. Э. Одежда жителей Латвии VII—XVII вв. Древняя одежда народов Восточной Европы. С. 173.

⁸ Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // Археология рязанской земли. М., 1974. С. 133.

⁹ Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губернии по материалам экспедиции 1925 г. Пенза, 1928.

¹⁰ Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб, 1910, С. 76.

¹¹ Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ (ромб с крючками) // Сов. археология. 1965. № 3, С. 14.

¹² Могильник расположен в 4 км ниже по течению р. Оки.

¹³ Кравченко Т. А. Указ. раб. С. 13.

¹⁴ Там же. Рис. 12, 4, 5.

¹⁵ Heckel A. O. Etnographische Forschungen finnische Volkerschaft. B. II. Tracnten und Musten der Mordvinen. Helsingfors. 1899. S. 100.

¹⁶ Спрыгина Н. И. Указ. раб. С. 36.

¹⁷ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. С. 147.

А. Булатов

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НЕКОТОРЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ В ДАГЕСТАНЕ

Реконструкция мировоззрения, идеологических представлений древнейших племен тех эпох, от которых не осталось письменных памятников, хотя и представляет большие трудности, является одним из интереснейших и в значительной степени малоисследованных вопросов этнографической науки. Помимо научного такое исследование имеет и практическое значение. Известно, что многие верования, составившие основу сравнительно поздних монотеистических религий, а также сохранявшиеся вплоть до наших дней в форме суеверий, возникли на очень раннем этапе осмысления человеком своей сущности и своего места в окружающей его природной среде. Поэтому для раскрытия корней позднейших религиозных предрассудков важно выявить их возможные истоки, которые часто обнаруживаются в глубокой древности.

В данной статье, написанной главным образом на основании полевых материалов автора 1985—1987 гг.¹, предполагается выявить истоки некоторых аграрных культов, сохранявшихся в горном Дагестане до начала XX в.

Наши полевые материалы выявляют интересный обычай², существовавший в прошлом у некоторых народов Дагестана (лакцев, горных даргинцев, рутульцев): весной, после распашки и засева пашни, каждый хозяин в центре своего участка ставил каменную плиту высотой 0,6—0,7 м — «ису» (лакск. букв. «сова»), «целда», «татта» (дарг. букв. «отец»), «хъу дерхъла къаркъа» (дарг. «камень для урожая»). Иногда каменная плита была составной: ее соорудили из нескольких камней, поставленных друг на друга. Считалось, что плита весь полевой сезон оберегала участок пашни от неблагоприятных воздействий природных стихий. Даргинцы некоторых селений называли ее «пахарем» («хъубцар») и считали, что ее ставят для того, чтобы засеянная пашня «не боялась бы», чтобы зерно хорошо проросло, посевы были бы густые, т. е. это был по их представлениям «хозяин хлебного поля».

В представлениях лакцев «ису» просила небесные силы о хорошем урожае, о высоких всходах, которые закрыли бы ее полностью, «с головой».

При установке плиты лакцы говорили:

На гору поднимайся за солнцем,
На родник ходи за водой,
Делай все от тебя зависящее и не зависящее,
Чтобы был хороший урожай.

Во время жатвы та из жниц, которая, работая, первой добиралась до «ису», произносила:

Приветствую тебя, сова!
Ты посодествовала урожайности,
Я тебе помажу голову маслом,
Завяжу тебе голову.